

О светлом человеке, учителе, друге (памяти А.С. Зиновьева)

Федорова Г.В.

About a pure soul, a teacher and a friend (to the memory of A.S. Zinovyev)

Fyodorova G.B.

Омская государственная медицинская академия, г. Омск

© Федорова Г.В.

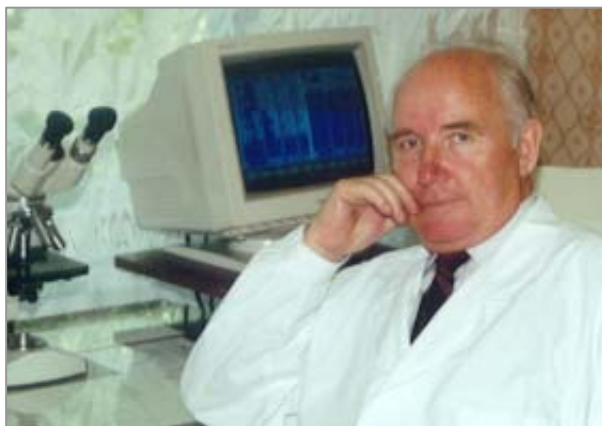
В сентябре 2003 г. ушел из жизни заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАМН, доктор медицинских наук, профессор Антон Самойлович Зиновьев. В статье автор попыталась показать личность известного российского ученого-патологоанатома.

Ключевые слова: история медицины, А.С. Зиновьев, персоналии.

In 2003 went away from life Anton S. Zinovyev corresponding member of the Academy of Medical Science of Russia, Honoured Scientist of the Russian Federation, Professor. In the paper author makes an attempt to show the personality of famous Russian scientist-pathological anatomist.

Key words: the history of Medicine, A.S. Zinovyev, personality.

УДК 61(092)

Как пройти сквозь толщу времени,
Навсегда оставаясь звездой?
Приподнявшись над миром в стремени
Иль промчавшись над ним стрелой?
Не подходит ни то, ни это,
Лишь дела тебя вознесут,
Оставляя много света
Поколениям, что вслед придут.

День 14 сентября 2003 г. стал последним для Антона Самойловича Зиновьева. Ушел из жизни человек, с которым связаны во многом трудные, но и, пожалуй, лучшие годы. Первая встреча с Антоном Самойловичем произошла ранней весной 1968 г., когда на лекции вместо прежнего заведующего кафедрой патологической анатомии профессора К.Е. Бульбакова мы, студенты 3-го курса, увидели человека средних лет, плотного

телосложения, в высоком накрахмаленном белоснежном колпаке и халате. А потом слушали лекцию. Речь шла, помню до сих пор, об онкологии. Впервые на лекции по этой дисциплине стояла тишина. Все присутствующие завороченно слушали. Это была лучшая лекция из тех, которые мне до тех пор доводилось слышать. Простота и ясность изложения сочетались с логикой и прекрасной дикцией. Лектор говорил без бумажки,

что, как известно, редко можно встретить. Прекрасный стиль изложения и артистизм отличали лекции А.С. Зиновьева тогда еще кандидата медицинских наук, доцента. Нам повезло, весь семестр семинарские занятия в группе вел тоже он.

Прошло уже более 30 лет после окончания института, но тетрадь по патологической анатомии со всеми рисунками и подписями А.С. Зиновьева я храню до сих пор.

После 9 лет практической работы участковым терапевтом мне пришлось вернуться в Alma Mater. Я стала заведовать отделом научной медицинской информации, который находился в ведении научной части Омского государственного медицинского института (ОГМИ). С 1972 г. проректором по научной работе был профессор А.С. Зиновьев. Наша новая встреча произошла в сентябре 1980 г. В то время ему исполнилось 54 года. Я увидела мало изменившегося, но поседевшего Антона Самойловича. Разговор у нас был коротким. Кроме информирования сотрудников института о новом в медицинской науке мне вменялось в обязанность править тематические и отчетные карты о научно-исследовательской работе (НИР), участвовать в формировании планов и отчетов о НИР в масштабе института. Приходилось представлять деловые бумаги в Министерство здравоохранения, во Всесоюзный научно-технический и Республиканский информационно-вычислительный центры.

Помню трудные первые месяцы работы, пришлось все начинать с нуля. Обстоятельства требовали обсуждения с Антоном Самойловичем многих вопросов, связанных с новой для меня работой. Первое, что буквально поразило, я успевала сказать лишь несколько слов, а Антон Самойлович продолжал неоконченную фразу или отвечал на вопрос. Нередко ставил меня в затруднительное положение своими вопросами или замечаниями. Я стала заранее продумывать ответы на его предполагавшиеся вопросы. Знаю точно, что иногда не могла заснуть из-за волнения по поводу предстоящего разговора.

Шло время, я постепенно вникала в работу, стала привыкать к общению с А.С. Зиновьевым. Нередко возникали ситуации, требующие быстрого

разрешения, приходилось многому учиться. Заслужить похвалу начальника было нелегко, но когда он был доволен работой, это многого стоило. Говорил всегда четко, ясно выражая свои мысли. Бывали, конечно, случаи, когда нервничал и тогда повышал голос, но мы, его подчиненные, редко обижались на него, так как обычно он был прав в своих требованиях. От такого человека, каким был Антон Самойлович, можно было выслушать и малоприятные слова.

Его неординарная личность притягивала к себе людей, он редко бывал один. В научной части у нас сложился коллектив из десятка женщин, в центре которого был, конечно, Антон Самойлович. Нередко вместе отмечали праздники. Помню его 60-летний юбилей, как все вместе мы составляли в подарок памятный альбом со стихами и прозой, с фотографиями и рисунками. Он сам любил шутить и ценил в людях чувство юмора. На праздник 23 февраля дарили ему цветы и сюрпризы, не говоря уже о дне рождения. Почти все были в него хотя бы чуточку влюблены. Его обаяния, и мужского, и человеческого, хватило бы не на одного человека. Рядом с ним хотелось стать умнее и лучше, чем ты был. Мнением Антона Самойловича дорожили все. Его благосклонности добивались, но были и такие, кто побаивался, хотя мы, его подчиненные, знали, что он не умел долго сердиться, забывал возникавшие недоразумения.

В ситуациях, когда требовалась помощь, особенно нам, его сотрудникам, он всегда помогал, чем мог. И никогда не поминал об этом. Многие из нас обязаны ему тем, что он помогал нашим детям, родным и даже нашим друзьям. Антон Самойлович умел понять, умел жалеть, не боялся брать на себя ответственность за многое и многих. Он защищал, когда встречался с несправедливостью. Возможно, поэтому его рано стали беспокоить боли в сердце.

Когда на институтских советах начинал говорить Антон Самойлович, все разговоры, какие обычно присутствуют в зале, смолкали. Не припомню случая, чтобы он говорил не по делу или недостаточно ясно выражал свои мысли. Его цитировали, в разговоре использовали его любимые

слова и выражения, например, «пошехония», «ку-тафы» и пр. Принимали ответственные решения, ссылаясь на его авторитет человека и известного деятеля науки, ученого-патологоанатома.

К науке Антон Самойлович относился серьезно, сожалел, что в Сибири нет тех возможностей для творчества, какие присутствуют в Москве и других крупных городах европейской части России, не говоря уже о дальнем зарубежье. Талантливых и способных людей он замечал и уважал, старался помочь им пробиться в жизни. В трудные перестроечные 1990-е гг. сочувствовал студентам, которым приходилось недоедать, старался помочь.

К женщинам в науке относился весьма скептически. Частенько повторял, что «наука страдает от неустроенных женщин». Такое отношение, думаю, прежде всего было вызвано его убеждением в том, что женщина должна, в первую очередь, заниматься детьми и домом, а совмещать это с наукой трудно. Жалел он женщин, искренне сочувствовал непростой женской доле, особенно в нашей стране.

Антон Самойлович обладал редким даром стилиста, всегда очень тщательно работал над текстами, много раз редактировал собственные научные работы, не говоря уже о работах учеников. Ценил в людях грамотность, негодовал, когда в текстах замечал ошибки.

Он очень любил свою семью, детей, особенно дочь. Большой любовью в его жизни стал младший внук, названный в честь деда Антоном. Как-то, незадолго до смерти, Антон Самойлович сказал, что больше всего хочет видеть внука, в то время жившего с родителями в Греции. Очень любил и старшего внука Глеба, гордился его успехами в учебе, был доволен хорошим воспитанием и тем, что внук не подводил его.

Самого Антона Самойловича и его брата, Ивана Самойловича, будущего летчика гражданской авиации, Героя Социалистического Труда, воспитывала бабушка и, отчасти, старшая сестра Раиса Самойловна. Мать умерла, когда ему не исполнилось и пяти лет. Может быть, еще и поэтому очень дорожил собственной семьей, был ее ангелом-хранителем, разрешал бесконечные, как в каждой семье, житейские проблемы.

Антон Самойлович никогда не терял присут-

ствия духа сам, умел поддержать других, найти нужные слова, а если была в том необходимость, то мог и отругать как следует. Был поддержкой своим друзьям при жизни, помнил и после их смерти. Это относится к профессору Д.М. Далматову, доцентам В.С. Вербанову, Л.Д. Костериной и ко многим другим. Прошло более 20 лет со дня смерти замечательного омского хирурга, доцента кафедры факультетской хирургии ОГМИ А.Г. Барбанчика, одного из его самых близких друзей, но в день годовщины смерти Антон Самойлович ежегодно навещал его могилу.

После смерти Л.Д. Костериной, первого помощника в работе ученого совета и лучшего методиста кафедры патологической анатомии, оказывал помощь ее двум дочерям, особенно младшей, Екатерине. Отец девушек умер за пять лет до этого.

Я не раз была свидетелем того, как бывшие диссертанты звонили ему из других городов, приглашали в гости, поздравляли с праздниками, делились своими победами и огорчениями. А звонки друзей раздавались буквально ежедневно: просили совета, хотели встретиться. Дружья нередко навещали Антона Самойловича в его кабинете, беседовали за чашкой кофе или чая, иной раз и за рюмкой коньяка. Ничто человеческое ему не было чуждо.

Много читал, причем старался идти в ногу со временем, знакомился с последними «нашумевшими» книгами. В последние годы жизни его особенно интересовали исторические романы. Однажды я была немало удивлена, когда на его рабочем столе увидела томик стихов А.С. Пушкина. Помню, как лет пятнадцать назад Антон Самойлович прочитал прекрасное четверостишие в духе Омара Хайяма, написанное им самим. Теперь сожалею о том, что не записала его. Удивительно, но иной раз цитировал отрывки из литературных произведений, прочитанных в далекой юности.

Любил музыку, и классическую, и популярную, особенно романсы. Любимым романсом был «Гори, гори, моя звезда» в исполнении Анны Герман. Когда было особенно хорошее настроение, напевал любимый мотив.

Антон Самойлович часто бывал на природе, любил рыбалку, много лет подряд ездил на охоту. В этом для него главным было общение с друзьями.

Любил путешествия, непоседой был. Его трудно было удержать на одном месте. Бывал много раз за границей: в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Австрии и даже в Японии, поездил по Советскому Союзу и городам России. С большим интересом делился впечатлениями о поездке в Японию. Многократно бывал в Греции в гостях у дочери. Прежде чем разрешить ей эмигрировать, как любящий отец поехал сам и, видимо, все взвесив, не стал отговаривать. К сожалению, южный климат, да и резкая смена во времени и климате, не шли на пользу его здоровью. Однако Антон Самойлович продолжал свои поездки: хотелось побыть с дочерью, помочь ей и зятю, о котором всегда очень тепло отзывался.

Всем известно, что в течение многих лет в его кабинете проректора стоял письменный прибор в виде якоря. Дело в том, что он имел прямое отношение к флоту — служил военным фельдшером на судне после окончания медицинского училища. И надо сказать, что любовь к морю сохранял на всю жизнь.

Звонил он тоже интересно, как и все, что делал. Обычно разговор начинал со слов: «Как обстановка?» или «Привет!». И что характерно, голос у него был молодой. Когда на кафедре передавали о его звонке, обычно говорили, что звонил молодой человек.

Вспоминаю, что физически до последнего времени он был далеко не слабым человеком. Как-то в возрасте под 60 лет он поднял гирю весом в 16 кг. И надо было видеть, как легко сделал это.

Обращала внимание походка Антона Самойловича, удивительно легкая, стремительная даже в преклонном возрасте. Лишь в последние годы жизни стал ходить медленнее. Держался всегда прямо, любил ходить, заложив руки за спину, слегка наклонив голову.

Надо сказать о том, что многие годы, около двадцати лет, с того времени, как стало беспокоить сердце, Антон Самойлович практически ежедневно по утрам преодолевал большие расстояния (ино-

гда до 5—7 км). Служебной машиной он пользовался только по необходимости. К утренней зарядке относился скептически, не мог себя заставить делать одно и то же, скучно было.

Всегда тщательно следил за своим внешним видом, а после 60 лет — особенно. Гладко выбритый, в костюме современного покроя, в тщательно отутюженных брюках. Любил менять галстуки, всегда носил их в тон с цветом рубашки и костюма.

Хочу сказать о мужестве Антона Самойловича.

К сожалению, как уже было мною сказано, у него рано появились проблемы с сердцем. Конечно, лечился, но никогда не терял присутствия духа, не уходил в болезнь. Из года в год мужественно боролся со своими болячками и при этом продолжал работать и радоваться жизни. При первой возможности покидал больницу. Однажды сказал, что без работы не представляет себе жизни, просто не сможет жить.

Не многим известно, что в возрасте более 75 лет он перенес операцию — аортокоронарное шунтирование. В Москве в НЦСС хирургии им. А.Н. Бакулева ему было отказано в операции. Беседовал по этому поводу с ним академик РАМН Л.А. Бокерия. Помню, вернулся Антон Самойлович печальным. Помогла дочь Ирина Антоновна: договорилась оперировать его в Греции, в Афинах, где сама живет вот уже более 10 лет. Операция прошла успешно. На 7-е сутки Антон Самойлович был выписан из стационара. Через полтора месяца вернулся в Омск с еще не вполне зарубцевавшимися после трансплантации сосудов ранами. Рассказывал о том, что верил в положительный исход операции, ни минуты не сомневался. Когда очнулся от наркоза, не представлял, что уже все позади. Вернулся счастливым, судьбой ему было подарено еще два года жизни. Перестали беспокоить боли в сердце, уменьшилась одышка. Жизнь благоволила к нему, все виделось в радужном свете.

Однако через полтора года состояние вновь стало ухудшаться. Помню, как весной 2003 г. сказал, что его надежды не оправдались и положительный результат операции ограничен во времени. О своем неизбежном уходе из жизни говорил

сдержанно, как о чем-то само собой разумеющемся, даже с усмешкой, при этом продолжал жить и радоваться. Старался отвлечь нас, своих коллег, от грустных размышлений. Думаю, готовил к тому времени, когда наступит это печальное событие. Была у него манера говорить о самом неприятном в собственной жизни походя, как бы не придавая этому значения. Мужественный был человек.

Инсульт случился 17 августа 2003 г. К великому огорчению, вплоть до 26 августа я не знала о том, что произошло. В день рождения Антона Самойловича

15 августа звонила, чтобы поздравить. Не позволила. 18 июля 2003 г. я слышала в последний раз его голос по телефону. Тогда и попрощались, не предполагая, что это был наш последний разговор.

Хоронили Антона Самойловича в солнечный теплый осенний день 17 сентября. Проводить его пришли все, кто мог, кто знал и любил его. Пришлось перекрывать улицу, так много было тех, кто пришел проводить в последний путь этого человека.

На кладбище выступали со слезами на глазах. Много хороших и справедливых слов было сказано об Антоне Самойловиче Зиновьеве, но больше других запомнились слова его дочери о том, что он любил всех, кто был рядом с ним, с кем прошла его жизнь.

Ушел из жизни человек, с которым связана целая эпоха в Омской медицинской академии. Он был знаковой фигурой, в чем-то человеком-легендой. Его могли не любить и даже бояться, но его уважали и всегда с ним считались.

Обычно говорят о том, что нет незаменимых людей. После смерти Антона Самойловича я думаю иначе, такого, как он, заменить нельзя, слишком яркой личностью был.

Осталась чувство невосполнимой потери, ощущение сиротства от того, что больше нет человека, к которому можно было обратиться за советом и всегда его получить. Не стало человека, который был равнодушным к человеческим горестям и печалям. Осталась память у всех, кто хорошо знал его, память добрая и благодарная.

Поступила в редакцию 20.03.2004 г.